

этим бы избавились от всех тех мук, которые ожидают после Страшного суда Божия всякого грешника, не очистившегося здесь, в этой жизни. То, что грех уже до Страшного суда так мучает, жжёт, томит человека... – только мягкое предупреждение, вразумление, напоминание душе о вечных муках...» (*Архимандрит Лазарь. О тайных недугах души*).

Может ли человек, испытывающий подобное томление души, не замечать его, не раздумывать о его причинах, не вспоминать те моменты жизни, когда совесть говорила ему, что он творит зло, но он не слушал голоса совести?

Может ли человек не понимать при этом, что он болен и, чтобы выздороветь, должен что-то изменить в себе?

Может ли терзаемый совестью человек жить спокойно и не вспоминать сотворённого им зла?

Мы верим, что не может. Ибо на то и дана Богом человеку совесть, чтобы она мучила и жгла, понуждая человека исправлять пути свои, искривлённые глупостью и неведением, похотью и невежеством. Если жжёт, значит, любит ещё Бог человека и зовёт его к Себе, т.е. хочет его спасти.

Тот, кто не испытывает уже никаких угрызений, чья совесть уже истлела от непрерывного, но безответного жжения, кто ни разу не внял её строгому вразумлению – тот оставлен Богом ходить самовольно путями своими, и такой есть самый несчастный на земле человек.

Жил некогда грешник, творящий беззакония, обладавший богатством и притеснявший зависящих от него ближних его; творил он всякий грех, к какому склоняла его похотливая и неразумная душа его, и не было над ним власти внешней и молчал до поры голос совести его. Но вот постучал Господь в сердце его, когда исполнилась мера терпения, и возжёт огонь совести, обжигавший душу грешника. И не стало ему покоя на земле. Ни в чём не находил он утешения и никакие греховные радости не могли загасить Божьего огня. И ужаснулся человек жизни своей, и упал на колени с плачем, сетуя о неизбежной гибели своей и не дерзая уповать на прощение. Вот тут и коснулось его крыло Ангела Божия и укрепило «бедствующую и худую руку» его, и нашёл он в себе силы для исправления путей своих. До конца жизни не оставлял его внутренний плач о